

12+

Елена Демченко
И принц на белом коне

Елена Юрьевна Демченко
И принц на белом коне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62632981

SelfPub; 2020

Аннотация

Иногда желания исполняются не совсем так, как хотелось бы...
Прежде, чем пожелать, подумай!

Пролог

– Эх, девчонки! – Ника, подперев щеку, вертела свободной рукой фужер за тонкую ножку. Фужер давно опустел и даже успел высохнуть, хотя еще издавал тонкий аромат дорогого вина. – Жизнь уходит, а нич-чего интересного...

– Ну, уж тебе грех жаловаться! – вторая из моих подруг с экзотическим именем Юнна, уписывала салат за обе щеки. (Юнка на диете и постоянно жует что-то низкокалорийное, дабы заглушить не проходящее чувство голода. Мы ей давно говорили и не раз, бросай свою диету, что, мол, истязаясь себя, тем более что результаты весьма скромные! Не сказать – никакие. Да и фигура от природы у нее вполне пропорциональная – все, что надо, на месте и объем имеет достойный. Прибавьте ко всему розовые щеки, светлую пушистую косу и озорной блеск в глазах. Может, и не эталон современной фотомодели, но деваха приметная. Весьма! Но у Юнны воля в этом вопросе обрела прочность стали. Хочу худеть, буду худеть! До пятидесяти килограмм. Сколько понадобится! Мы с Никой только головами покачали. Такими темпами желанную комплекцию подруга обретет лет через двести.

В отличие от Юнки я не сильно переживаю по поводу фигуры. Если набираю пару лишних кило, легко сбрасываю бегом, диетой. Если захочу. А так, чего – и кого! – ради костыми греметь? Возлюбленный, буде оный явится, пусть принимает меня такой, какая есть. Захочет фотомодель, – адью, дорогой, ищи себе сисястую швабру, а я «красоты» ради не стану

ни грудь увеличивать, ни форму носа менять. И худеть до анорексичного состояния. В итоге это же буду совсем не я!

А вот венчающая нашу троицу Ника вообще не страдает комплексами. И мужским вниманием не обделена. Все, вроде, есть – квартира, машина, дача, гардеробчик нехилый такой, внешность актрисы. Только счастья нет. Опасаются мужики успешных красавиц, тушуются подле такой вот... Ники. Не задерживаются. А она – по ее словам! – с радостью жила бы в малогабаритной «однушке» и кормила вечерами любимого пельменями из супермаркета. Придуривается, конечно. Для любимого можно и расстараться, а не месиво варить. Да и «однушка»... У нее гардеробная таких размеров. Вряд ли захочет переехать в шкаф. Даже счастья ради. Но при всем Ника – отличная девчонка. Мы дружим со школы, и она нисколько не кичится своим достатком. Даже наоборот – стесняется. А что стесняться? Был бы у меня папаня-бизнесмен да еще и американец...! Хотя мы с Юнкой подруге не завидуем. В конце-концов каждый должен пройти свое испытание – кто-то бедностью, кто-то богатством. И неизвестно, кому легче и проще жить.

– Давайте выпьем!

Подскочивший официант услужливо наполнил бокалы.

– Не! – покачала головой Юнка. – Мне хватит.

– Давай-давай! – Ника велела приказным тоном. – В своем инстаграме можешь рассказывать, как отказывалась от коллекционного вина, а с нами пей.

– Я где-то читала, – Юнка грустно заглянула в опустевший фужер, что в мире обязательно есть кто-то, кто о тебе мечтает. Именно о тебе!

– Да? – сощурилась наша богатая красавица. – Может, и есть. Только что ж он замечтался вконец? Мужик должен действовать, а не валяться на диване в грезах.

– Почему обязательно на диване? – вступилась подруга за неведомого мечтателя. – Может, он и ищет. Только пути не пересекутся никак. Но однажды...!

– Угу! – покачала головой Ника. – Ешь свой салат. Кажется, тебе действительно хватит на сегодня. А ты, Марусь?

(Терпеть не могу, когда меня называют Марусей. Я – Марианна. Можно Мария. Иногда в шутку именуют Марией-Антуанеттой, – это терпимо. Но «Маруся»!..Фу! Такая вольность прощается только двум близким подругам.)

– Что?

– Что думаешь?

– Ничего я не думаю, – буркнула. – Только в бульварных романчиках неожиданная и прекрасная лубофф. Жизнь – совсем другое.

– Романчики? – хихикнула захмелевшая Юнка. Похоже, ей весело. Ну, хоть кому-то! – ты читаешь романчики? Про... лу-у-у...бофф?

– Ничего подобного! – возразила. (Не совсем честно. Да, читаю. За последнее время проглотила несколько книг, но сознаваться в этом, да еще в таком контексте...! Бульварное

чтоиво – драконы, принцессы... – но почему-то затянуло. Романтики захотелось?)

– Читай Достоевского, развивайся интеллектуально! – по-серьезнела Юнка. – «Белые ночи»...

– «Братья Карамазовы», – кивнула я. – «Преступление и наказание», «Идиот». Пятнадцать раз читала! А «Белые ночи», кстати, о мечтателе. И все романы, заметь, о мужиках, об их переживаниях и метаниях. Женщины там существа второстепенные. На заднем плане. Фоном. И вообще! Можно подумать мужчины – центры вселенной, и живем мы ради того, чтобы один из них однажды-таки сполз с дивана и осчастливил! В мире, знаете ли, много интересного и без них.

Поглощенная употреблением салата Юнка не нашлась, что ответить. Или не захотела.

– Эх, – опять вздохнула Ника. – Знать бы, где она, жизнь настоящая?

– А вокруг что, не жизнь?

– Ну... – покачала головой подруга. – Конечно. Все от нас зависит... Но как-то оно... невесело.

– Ты, значит, веселья хочешь? – хмыкнула я. Глянула на вторую подругу. – А ты? Чего хочешь ты?

– Луб...вы, – с набитым ртом ответствовала толстушка.

– Ясно, – отослала жестом официанта (все равно чаевых не дождетсЯ. Рада бы, да зарплату задерживают уже три месяца. Подливай – не подливай пьяненьким дамочкам, а на-

вару не будет. Во всяком случае, от меня). Плеснула в бокалы кроваво-красной жижи... Вина! Вина, конечно, не жижи. Если бутылка жижи стоит три моих зарплаты, то заслуживает благородного названия и уважения. Хотя бы видимого, потому что на вкус... жижа! Не ценитель я марочных и коллекционных напитков.

Глянула сквозь вино на свет хрустальной люстры. В бокале плясали золотые искры. Красиво!...

– Давайте что ли? За женщин, держательниц мира! И за исполнение желаний!

Три фужера соединились с хрустальным звоном. Золотистое облачко искр взметнулось к потолку и опало, рассыпавшись тонким фейерверком.

– Пора домой, – Ника устало поморгала, одолевая сонливость, положила в красивую кожаную папку со счетом четыре красных бумажки с красивыми числами. – Кто со мной на такси?

Юнка как школьница подняла одну руку, второй продолжая запихивать за щеки остатки салата. Хомяк, да и только!

– Марусь?

– Идите, – махнула рукой. – Мне недалеко. Дойду пешком. Проветрюсь.

Глава первая.

Проснулась я от непонятного густого запаха. Явно не ду-

хов! А чего?

Порыв ветра приятно обдул лицо, унося с собой амбре. На несколько секунд.

Ветер... Окно что ли забыла закрыть? На улице совсем не июнь! И даже не май!.. Надо встать, затворить. И занавески задернуть, а то больно светло. Поспать бы еще чуток. Голова гудит после вчерашнего и совершенно не варит. Благо сегодня воскресенье. На работу не надо. А я к тому же и в отпуске. Бесплатном, правда.

И что в конце-концов может так вонять?!

Разлепила глаза и не сразу сообразила, где нахожусь. А точнее, где лежу!.. Боги все милостивейшие! Это что?! Что, я вас спрашиваю?! Что за субстанция?!..

Я, конечно, глубоко городской житель, к сельскому хозяйству отношение имеющий исключительно утилитарное. Потребительское. В рамках овощного и молочного отделов супермаркета. Но все же наличествует какое-никакое образование, пусть даже техническое, и достаточное, чтобы опознать... Перепревший навоз. Я! Без пяти минут кандидат наук изволю валяться на куче навоза?! На краю огорода. (Если ровные рядки весело зеленеющих кустиков пасленовых – не картошка, то, не знаю, не знаю!)

Подпрыгнула бы, если бы подстилка не оказалась столь мягкой и внушительной по объему. А так только сильнее перемазалась, пока выбралась.

Выбралась куда?! Ладно. На твердую поверхность и в вер-

тикальное положение. Буду изучать вопросы по порядку.

Вопрос первый. Где я?

Огляделась. Лес вдалеке. Поближе два ряда покосившихся деревянных домишек, обнесенных плетеными изгородями, по краям дороги. Если эту испещренную рытвинами просеку можно так назвать, дорогой, то есть. Понятно. Дачный поселок, хотя и весьма бедный, а значит, прилично удаленный от Столицы, центра и цивилизации вообще, ибо в окружных садовых товариществах сплошь особняки и дворцы. Поскромнее Эрмитажа, но пороскошнее типовых городских застроек.

Допустим. Вопрос второй. Как я сюда попала? И для уточнения – что помню со вчерашнего дня?

Э-э-э... Мы сидели в ресторане. Кто «мы»? Ника – она же Вероника Марченко, Юнна Беляева, – мои школьные подруги. Ну, и я, конечно же, Марианна Вестфаль. (Не слишком по-русски звучит, но кровей в нашем роду намешано столько, что чистую этническую принадлежность и не определить!) Собственной персоной. Наряженная в лучший брючный костюм и модельные туфельки...

Оглядела себя. Безусловный плюс в том, что костюм и туфельки не пострадали от ночевки в куче грязи. Скорее всего. Не пострадали по той простой причине – а вот это уже минус и следующий вопрос! – что надето на мне... что?! Какая-то хламида! Платьем-то назвать трудно – нечто длинное, с лохматыми, необработанными краями, из грубой ткани непо-

нятного цвета. К тому же перепачканное и пахнущее тем, в чем я ночевала. Ну, или проснулась. Ага, навозом! На огородное пугало сей шедевр портняжьего искусства надеть постеснялась бы. А оно на мне!

Так. Кажется, отошла от порядка расследования. Что было после ресторана?

М-м-м-м... Девчонки пошли на такси. А я? Я немножко еще посидела, и... И? И всё. Больше в памяти ничего не сохранилось. Как добралась до дома? В котором часу? С кем? Кто мог подобным образом подшутить надо мной – вывезти в неизвестную местность, переодеть и бросить?! Кто из знакомых не побоялся бы безвременной лютой смерти после такой шутки? Хм...

У ближайшего домика со скрипом распахнулась дверь, выпустив наружу колоритного дедка. Вернее, он сначала показался дедом из-за длинной бороды, а на деле оказался вполне себе нестарым мужиком лет сорока. Правда, несколько тщедушным и невысокого росточка. Мужик зевнул, потянулся, почесал пузо, потом глянул в мою сторону.

– Оклемалась?

(Он меня знает?! Во всяком случае, не удивился.)

– И чё стоишь, зенками лупаешь? Работы непочатый край. Долго будешь прохлаждаться, лентяйка тупая!

(Чего-о-о?!)

– Э-э-э... Извините, а...

Бородач махнул рукой досадно.

– Иди в дом. «Рубаху переодень, чернавка вонючая, – проворчал», – говорили, не бери, говорили, дура! Так нет же! Не послушал! Соблазнился дешевизной.

Ушел в избушку. Путаясь в полах длинной хламиды, я метнулась следом.

– Подождите! Подождите, мужчина!

Он приоткрыл дверь.

– Чего?! Я – Хозяин! Забыла, что ль?

– Хозяин, да, – кивнула согласно. Бог с тобой, именуйся хоть султаном, хоть президентом, только будь добр что-то объясни. Для начала. – а... а где здесь можно помыться?

Не нашла ничего лучшего спросить. С другой стороны, какой уважительный диалог можно вести с такой ... Как он меня назвал? Чернавка?

Мужик покачал головой.

– Ты еще тупее, чем я думал! Баня ток на Большую седмицу, не господа чай! Вон, река за огородами. И рубаху сполосни!

Кинул мне серый сверток.

– Держи. Да не рассусоливайся там. Дел невпроворот.

И хлопнул дверью перед моим носом.

Река так река. Хотя в моем представлении река – это что-то величественное, глубокое, полноводное, с плывущими лайнерами, а не пятиметровой ширины ручей с черной водой, илистыми берегами, поросшими острой осокой. С за-

вихрениями по течению. Кажется, такое завихрение называется омут. В котором кто-то недобрый изволит пребывать.

Нашла подгнившие, разбухшие от влаги мостки, спустилась с берега. Однако нырять не рискнула. Помылась, зачерпывая воду ладонями. Прополоскала хламиду, развесила на кусте сушиться.

Серый сверток оказался точно такой же хламидой, по крайней мере, относительно чистой, в которую я и облачилась, недовольно отметив, что другой одежды на мне почему-то нет. Ну, да ладно. Разберусь постепенно.

Посидела на берегу, обсыхая сама и ожидая пока высохнет постиранная рубашка.

Что если все происходящее – не шутка, а совсем наоборот? Странная местность, странный мужик. Бездорожье. Не то чтоб совсем бездорожье, но следов транспорта нет! Только вмятины – характерные, округлые вмятины. Сходила, присмотрелась. Следы копыт? Может быть. Даже очень вероятно, раз тут деревня. Значит, коровы. Отсюда и копыта. Хотя на некоторых следах явный отпечаток подковы. Лошади? Тоже вписывается в общую картину. Но отсутствие мало-мальски завалящего трактора в хозяйстве и, естественно, следов оного, наводило на грустные мысли. Совсем уж глухомань? Настолько, что сами ткнут и шьют хламиды? Для чернавок вроде меня. Мужик одет понаряднее! И пояс плетеный красный! Хозяин, стало быть! И что-то упоминал про цену... Меня продали и купили? Вот этот бородач купил? Хозяин...

По крайней мере, на бордель не похоже. Вряд ли жриц любви держали бы в таких условиях. Значит, если меня продали, то не в публичный дом. Уже хорошо! Уже плюс. Я вообще оптимист по жизни, и считаю, что не бывает безвыходных ситуаций и положений, когда настолько плохо, что не может быть еще хуже. А со всем прочим можно разобраться.

Избушка, где проживал бородач, назвавшийся хозяином, изнутри выглядела точно также, как и снаружи, то есть совершенно непритязательно. Грубый стол у окна, пара лавок у стен, печь на полкомнаты. Вот и вся мебелировка. В прихожей – сенях? – лестница, ведущая под крышу. Не стала проверять, что там. Не захотелось даже любопытства ради лезть на чердак. Да и звуки оттуда неслись странноватые – не то сопение, не то храп. Кто-то еще тут живет?

И только одна деталь интерьера вызвала удивление. Мягко говоря. Икона! На положенном месте, в углу комнаты, напротив двери. Обрамленная полотенчиком, с тлеющей лампадкой, – все, как полагается! Вот только лик на дощатом прямоугольничке... Не Иисус, не святой какой-нибудь, а глаз! Стилизованное изображение глаза. Очень похожее на древнеегипетское. Что бы сие означало? Судя по удаленности деревушки от цивилизации, я скорее бы поверила, что жители вообще не знают о существовании Египта! А тут на-те вам! Или же хозяин – сектант?..

Мужичонка сидел за столом у окна и жевал кусок хлеба,

запивая молоком из крынки. Чавкал так смачно, что мой желудок громко напомнил, что неплохо бы и в него закинуть чего-нибудь съедобного. Мужик кинул на меня мимолетный взгляд, как на муху, залетевшую в форточку, и продолжил трапезу.

– Доброе утро! – постаралась быть вежливой.

Мужик не ответил.

– Я бы хотела поговорить. Не ответите на пару вопросов? И... поесть, если можно.

Бородач снова глянул. На муху.

– Еду заработать надо! – чав-чав-чав. – В горнице прибере, – чав-чав. – Воды наноси. Огород пора прополоть.

Вместо меня хозяину ответил мой желудок. Громко и настойчиво. Бородач усмехнулся, потом отломил небольшой ломоть хлеба. Кинул мне.

– Держи, дура.

– Спасибо, – кивнула. (Я вежливая, вежливая!) Присела напротив мужика за стол. – Всё-таки я хотела бы кое-что узнать. Например, кто меня продал?

– Да откель же я знаю? – чав-чав-чав. – Проезжал мимо люд странный. На ярмарку поди, – чав-чав. – Предложили за пару грошей девку. Чего не взять? Я один. Помощница в хозяйстве не лишня. Да и баба мужику завсегда нужна, а своя есть своя. Все не по кабакам шариться. Так что деньги получили, тебя с обоза скинули, да далее и поехали. Совсем не помнишь? Дюже во хмелю была! Бормотала чего-то несвяз-

но, а после и вовсе захрапела.

«Странный люд», «два гроша», «баба для хозяйства»?! Я куда попала?! А главное – как? Или... Или я умерла? Здравствуй, Преисподняя?.. Но не сплю, точно.

– А... местность как называется? Деревня ваша.

– Село! Село Семиречье. Еще десятину годов назад семь рек было, – отчего название и пошло. Сейчас одна, и та под земь уходит, незнамо отчего. Так, глядишь, через пару десятин Пустошью именовать начнут, ежели и Сумерь, последняя наша, иссохнет.

– А город? Есть город поблизости?

– Эх, загнула – «поблизости»! Город! До первого посада седмица пути! И то, ежели коней на свежих менять. До столицы и вовсе лунный коловрат.

– Это... месяц что ли? – уточнила.

– Четыре седмицы. Один коловрат. Лунный. Солнечный – тринадцать лунных с походом. То ж и мелкотня знает. Ты откуда свалилась такая неграмотная?

– Знать бы, откуда, – буркнула. – Да по чьей воле...!

– Ну, меня сие мало занимает. Руки-ноги на месте, стал быть, работать можешь. Остальное – Сету в пасть.

– Кому?! – округлила глаза.

– Сету, – удивился бородач. – Грешному и мятежному сыну Гора Великого и Светлого, Крылами Застилающего. – На этих словах он приложил ладони ко лбу, затем поднял кверху. Христианин бы перекрестился, упоминая имя бога, а это

что за жест?! Точно – сектант. Или ненормальный.

– Ты и этого не знаешь?! Или веру мою испытываешь? Так охолопись! Не таким, как ты дано и позволено! Или ты – волхова?

– Нет, – растерялась я.

– То-то и оно. Устал, однако, с тобой лясы точить, – мужик вытряхнул в рот последние капли молока из кувшина, вытер губы рукавом. Гулко срыгнул.

– Речёшь странно. Из благородных што ль? Чтоб ты знала, мне все равно. Будь хоть царица-королевишна. Покуда под моей крышей, без дела сидеть нельзя. Непозволительно.

Выпрямился, упер руки в бока, навис надо мной волосатой глыбой. Хозяин!..

– Что делать умеешь? Прясть, ткать? За скотиной ходить?

– Вязать умею, – мрачно ответствовала, одновременно пытаюсь обдумать план дальнейших действий. – Шить немного. Рисовать. Макраме плести.

– И всё? Не густо. Готовить могёшь? – кивнул на печь.

Если и могу, то, уж конечно, не на подобном монстрообразном сооружении.

– Пошли на двор, – скомандовал и первым шагнул за дверь. Я пока не придумала, что делать и последовала за Хозяином. (Вот черт, надо было хотя бы имя узнать! Как обращаться. Я ж ему не рабыня! Или рабыня?! Чернавка... Ничего. Посмотрим еще, кто из нас кто!)

– Держи! – сунул мне в руки охапку пахучей травы, нере-

ально яркого изумрудного оттенка. – Для начала сходи к Еремеихе. Третий дом по солнцу.

Махнул рукой в сторону крайней избушки, до которой топтать, вообще-то не меньше километра.

– Отдашь зеленец и попросишь закваски хлебной для Кирьян Савича. Величать меня так. Но для тебя – Хозяин. Поняла?

– Поняла, – буркнула в ответ.

– Да смотри сама от травы нос подальше держи. Нанюхаться, сомлеешь.

В сенях избушки я нашла какие-то лапти сорок последнего размера. Они болтались на ногах, как пляжные шлепанцы, но босиком топтать по колючей траве и рытвинам не хотелось, так что я терпела. Шла и старалась не вдыхать сладкий аромат травяного снопа в руках. Колоски и стебельки лезли в нос, щекотались; я отворачивалась, но, похоже, в итоге слегка все-таки надышалась наркотическим запахом, потому что голова кружилась, а в ушах волнами накатывал и отступал непонятный шум.

В «третьем доме по солнцу» меня, как ни странно, уже ждали. На крыльце стояла опрятная бабулька в расшитой затейливыми узорами рубахе и сарафане поверх неё. Тоже с вышивкой по подолу и вокруг горловины. Голову старушки покрывала белая шапочка, вокруг которой аккуратно уложена толстая седая коса, – интересная мода!

– Добрый день, – выглянула я из-за снопа. – Кирьян Савич...

– На стол клади под навес, – ткнула пальцем бабка в сторону двора.

Я с облегчением плюхнула стог пахучего сена на грубый дощатый стол и перевела дух. Буквально! После аромата травы чистый воздух казался сладким и освежающим. В голове начало проясняться.

– В дом иди! – кивнула бабка. Вошла за мной следом.

Я огляделась. Точно такая же избушка, что и у «хозяина», с той лишь разницей, что стены чисто выбелены, печь расписана затейливыми узорами, кругом вышитые салфеточки, занавесочки... Заметно присутствие женской руки. Да, и в сенях на стенах развешаны пучки трав свежих и сушеных, на полках пузырьки и бадейки с какими-то зельями или варевом. Я попала в дом к травнице? Или настоящей ведьме? Все может быть в этом лучшем(?) из миров, как сказал какой-то мудрец. Древнекитайский. Кажись.

Бабка стояла за моей спиной и явно чего-то ждала. Что я должна сделать? Поклониться? В ножки бухнуться?

– Отчего Господа не приветствуешь? – строго спросила ведьма, кивнув на икону с глазом в красном углу комнаты. – Али язычница?

Мамма миа! Деревня сектантов! А неверующих в египетский пантеон бросают в жерло действующего вулкана? Или приносят в жертву на кровавом алтаре? Не хотелось прове-

рять. Жестом Хозяина приложила ладони ко лбу, потом подняла их вверх.

– Слався Гор великий, крылами застилающий... – пробормотала все, что вспомнила из тирады бородача.

Вроде так. Надеюсь, ничего не перепутала.

– То-то же! – одобрила бабка. – Нездешняя поди?

– Издалека, – кивнула я.

– Проходи, садись.

Бабулька явно подобрела. Поставила передо мной миску какой-то каши, кружку с молоком. Села напротив.

– Ешь. И рассказывай. Кто такова, откель явилась?

– Не помню, – развела руками. – По словам Кирьяна Савича меня привезли на каком-то обозе и продали ему. За два гроша.

(Вот последнее вообще очень обидно! Дешево же я обошлась Хозяину!)

– Этот своего не упустит, – понятиливо кивнула головой старушенция. Хмыкнула. – Два гроша, говоришь? Ну и ну!

– Он закваски просил. За траву.

Я выскребла остатки каши, едва удержалась, чтобы не облизать ложку. Каша оказалась вкусной, а я – очень голодной.

– Спасибо большое. Вы чудесно готовите.

– На здравие.

Посуду, из которой я ела, хозяйка сложила в узелок. Протянула.

– Бери. Из чужой посуды не ешь, и свою никому не отда-

вай. В дороге пригодится.

– В какой дороге? Я еще должна куда-то отправиться?!

Или вы про дорогу домой? Знаете, как вернуться??

– Сама пришла, – пожала плечами бабка, – сама уйдешь.

– Куда? Куда мне идти?

– Откель мне знать?

Потом поставила на стол небольшое деревянное ведро с пузырящейся массой. В нос ударил запах спирта и какой-то кислоты. Это что за отрава? Пресловутая закваска? Фу!

– Печь умеешь? – И, не дожидаясь ответа, принялась объяснять процесс приготовления хлеба. – Кружку болтушки, четверть пуда муки, крынку молока перемешиваешь...

Назад я топала в своих ужасных лаптях, осторожно неся и стараясь не расплескать кислую смесь в ведре, что оказалось непросто. Не привыкла я скакать по кочкам в странном подобии обуви, которая вдобавок к жесткости мигом натерла, похоже, все пальцы сразу.

Чем ближе подходила к дому хозяина, тем острее чувствовала какую-то опасность. Что-то было не так, хотя не могла понять, что именно меня встревожило.

У плетня, фыркая и перебирая копытами, стояли две лошади в полной сбруе, с небольшими тюками, притороченными к седлам. Сквозь распахнутую дверь избушки внутри слышались шаги, негромкие мужские голоса. А во дворе, на земле, раскинув руки, в луже крови лежал недвижно Кирьян

Савич, мой хозяин и повелитель. Без признаков жизни.

Глава вторая

От неожиданности я выронила ведро с закваской. Оно гулко ударилось о землю. В избушке тут же прекратились разговоры, и на крыльцо выскочили два мужика. Один постарше, пониже ростом, одет по-крестьянски – в рубаху и широкие штаны, перевязанные плетеным поясом. Второй моложе, высокий, в украшенном клепками и ремнями кожаном черном костюме из куртки и брюк. Брюк! Не штанов! Тут портняжное искусство явно классом выше!

– Ух, ты! – расплылся в улыбке низкорослый. – Девка! А ничё так девка!

– Убей ее! – сухо скомандовал «кожаный». – Она увидела мое лицо.

– Как прикажете, – огорчился, но не стал возражать крестьянин, и, шагнув в мою сторону – Йа-а! – поскользнулся на луже закваски, шлепнулся лицом в кислую жижу.

– Тьфу! – сплюнул «кожаный». Потянул кинжал из ножен на поясе. – Тупой недомерок!

Вот что по логике я должна бы сделать? С визгом мчаться куда-нибудь в сторону леса, а потом героически пасть от летящего в спину клинка. Это по логике. А ежели о ней забыть, остается что? Тупо стоять на месте, раскрыв рот в ужасе, и в последнюю секунду рефлекторно выставить перед собой ла-

дони. Защищаясь. Ага! От ножа. Самое то! Одно слово успела подумать, одна мысль махнула хвостиком напоследок – «всё!». Полыхнула белая вспышка, и мир погас...

* * *

Сколько я валялась в отключке, не могу сказать, но, когда разлепила глаза, день клонился к закату. Должно быть, несколько часов. Надеюсь, не суток. Хотя, какая разница? Вокруг тишина, никаких сторонних звуков. Только кузнечики стрекочут в траве. Идиллия! Никто не прибежал из простого любопытства проверить, что тут произошло, не нужна ли помощь, жив ли кто? Кто? Я, например.

А негодяи где? Сочли меня мертвой и ушли? Хорошо бы! Главное – не закопали. Впрочем, разбойники такого типа не озабочиваются сокрытием улик; ноги бы унести скорее. Судя по книжкам и сериалам. А где мне еще опыта набираться? В реальной жизни подобные эксцессы обходили стороной. До сего дня.

Прислушалась к ощущениям. Боли не было, только страшная слабость. Раз хоть что-то чувствую, значит, жива! Слава... кто у них тут глава небесной епархии? Гор? Египетский бог с головой сокола? Ну, так слава Гору, крылья расправляющему, и да не покинет меня его милость.

Попыталась встать. Колени дрожали так, что чуть опять не упала. Оперлась о стену, устояла. Осмотрела себя. Вроде, цела. Похоже, кожаный урод промахнулся и решил не доби-

вать глупую девку, что от страха в обморок грохнулась.

То, что увидела в следующую минуту, когда огляделась, ввело изначально в совершеннейший ступор. Потом холодок страха пополз по спине, добавил в кровь адреналина. Я забыла о слабости в ногах, осторожно подошла ближе глянуть на то, что осталось от убийц.

Осталось немного. Три кучки беловатого пепла. Его хлопья подхватывал ветерок, разбрасывал по двору, кружил в воздухе мелкими завитушками.

Три(?) кучки? А! Третий – это покойный хозяин, судя по положению на местности. Возле застывшей остекленевшей лужи под бабкиным ведерком – низкорослый крестьянин – не сам, конечно, а то, что осталось, чуть подальше... О! А этот не совсем сгорел. Костюмчик сохранился; местами с подпалинами, но вполне целый. Надо же! Хозяин тютю, а одежда выдержала. Выдержала что?!

Я уронила поднятую, было, куртку «кожаного», из которой сыпалась сизоватая труха. Что тут произошло?!

Осторожно обошла дом, заглянула внутрь. Никого! Никого, если не считать пары лошадей, мирно щиплющих травку у плетня чуть поодаль, за углом избы. Может, это их и спасло? То ужасное пламя, спалившее трех человек, не пощадило бы коников, будь те в радиусе поражения. Если оно уничтожает плоть – биологические структуры. Изба не пострадала! Да что там! Ведерко деревянное и то цело! Закваска превратилась в стеклянный блин, а ведерко не сгорело! За-

кваска... Она же некоторым образом живая! Была. Там грибки, дрожжи, бактерии какие-нибудь...

А я? Я почему тогда цела?! Какое избирательное пламя – плохим каюк, хороших не тронь? Ага, конечно! То есть, я хорошая, но... Один вывод напрашивается. Один! Безумный, но кое-что объясняющий. Уцелела, если источником пламени или иной какой высокотемпературной энергии была... я сама.

Вспышка, после которой моё высочество изволило в обмороках валяться, – что ее вызвало? Так. Выставила перед собой ладони; мне было страшно, очень страшно...

Пальцы начали тускло светиться, и я снова ощутила сильную слабость. Опустилась на бревнышко у стены; ноги совсем перестали держать. Похоже, задремала, потому что, когда снова открыла глаза, было темно. И прохладно. Я поёжилась.

Звезды мирно переливались на небе, белесая полоса Млечного пути спускалась за далекий лес. Большая Медведица, Орион, Кассиопея... Привычные созвездия, все на своих местах, не перевернуты, не искажены. Значит, я на Земле. Как минимум. И на привычной широте-долготе. То есть дома. Ну, или с небольшим сдвигом по координатам. Но не в Африке и не на Марсе. Дома... Тогда почему вокруг сельский пейзаж? Древние избушки на курьих ножках? Ни дорог, ни техники, ни намека на электричество, радио, не говоря уж об Интернете. Станные люди говорят по-русски,

но как-то непривычно. Староверы? Интересная община, поклоняющаяся Гору! Не слыхала о таких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.